

Евгения Якушина

Триключения Руднева

ПРИВОРОТ НА КРОВИ

Евгения Якушина
Приворот на крови.
Приключения Руднева
Серия «Приключения Руднева», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67243287
SelfPub; 2023*

Аннотация

Череда жутких и загадочных преступлений потрясает Москву. Полиция обнаруживает обескровленные тела со следами зубов на шее, а свидетели кошмара рассказывают о невероятном чудовище-вампире. Откуда взялся этот монстр, и что его породило? Руднев и его друзья снова ищут ответы на непростые вопросы и вступают в борьбу с вырвавшимся на свободу злом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Евгения Якушина

Приворот на крови.

Приключения Руднева

Глава 1

Елизар Лукьянович Кошкин не любил весну, особенно раннюю, когда серо да слякотно. Причин тому было множество, но главными из них были те, что худые его башмаки ранней весной промокали до невозможности, и что владелица дома, где Елизар Лукьянович со своей ненаглядной женой Настенькой снимали комнату, прекращала топить, отчего комната за ночь выстужалась так, что замерзала вода в ручкомойнике.

В этом году и вовсе весна в Москве выдалась какая-то нерешительная. То несколько дней кряду держалась ясная, весёлая погода, снег начинал таять, заливая улицы глубокими и бескрайними лужами, то вдруг всё сковывало морозом, налетала метель, укрывала город снежным одеялом и развевала колючей позёмкой всякие надежды на тепло.

Сегодняшний день выдался как раз такой, выюжий да зябкий. Но Елизар Лукьянович не унывал: хотя бы башмаки не мокли, а что холодно, то не беда, быстрее до дома добежит,

где ждет его с нетерпением Настенька, свет его очей.

От почтовой конторы, где служил Елизар Лукьянович в чине коллежского регистратора, до дома бодрой рысцей бежать ему было более получаса, и то если темными заулками да подворотнями. Маршрут этот его не страшил, поскольку взять с коллежского регистратора было нечего, кроме протёртой до дыр шинели до драных башмаков. Так что для лихих людей в Елизаре Лукьяновиче интереса никакого не было, а с бродячими собаками он как-то по лёгкости своей и душевности всегда находил общий язык, да так, что те ещё и сопровождали его полдороги, весело виляя облезлыми хвостами.

В этот вечер, правда, ни людей, ни зверей Елизару Лукьяновичу не встретилось, видать вьюга всех их разогнала по своим углам да щелям. Лишь на углу Большого Сергиевского переуллка показалось ему, что мелькнула у покосившегося забора какая-то блёклая тень, да и растворилась в снежном мареве.

Елизару Лукьяновичу оставалось до дому каких-то два проулка и три проходных двора, когда вдруг ему снова почудилась давешняя тень, вынырнувшая на этот раз из какого-то тёмного угла. Тень эта походила не то на черного монаха в кукуле, не то на укатанную в темные шали цыганку. Двигалась тень на удивление скоро, плавно и бесшумно. Отвлеченный странным зрелищем, Елизар Лукьянович в который раз уж поскользнулся, глянул под ноги, а когда снова поднял

глаза на странную тень, та оказалась прямо перед ним.

Коллежский регистратор даже вроде и не испугался, а только лишь до крайности изумился, но тут тень, проявив свою телесную-таки природу, пихнула Елизара Лукьяновича в грудь, да с такой силой, что он отлетел и больно ударился спиной и затылком о мерзлую грязь. В глазах у него на мгновение помутилось, а когда же зрение коллежского регистратора снова обрело ясность, увидел он склонившееся над собой страшное лицо, словно бы помертвелое, с пустыми неподвижными глазами. Елизар Лукьянович зажмурился и хотел закричать, но от ужаса в горле его абсолютно пересохло, и вырвался у него лишь слабый оборванный хрип. Тень ухватила коллежского регистратора за волосы и запрокинула ему голову. Елизар Лукьянович почувствовал на своей тощей шее жаркое дыхание, а после испытал острую боль, будто бы в горло его впились зубами.

За воротник коллежского регистратора потекло что-то горячее, боль и страх отступили. «Да я же умираю! – ошеломленно понял Елизар Лукьянович. – Как же это?» Он еще вознамерился помолиться напоследок Богородице, да не успел, лишь слетело с его побелевших губ имя любимой жены, и мелькнул перед затухающим взором просвет снежного московского неба, зажатый между косыми крышами.

Белецкий перебирал на столе Дмитрия Николаевича корреспонденцию, которой за неделю накопилось немало. Всю

деловую и финансовую переписку он изымал сразу же, поскольку вёл её сам, оставляя для Дмитрия Николаевича лишь предложения художественных салонов и вернисажей, а также личные письма, приглашения на приемы и всякое разное тому подобное.

Он ежедневно раскладывал для Дмитрия Николаевича корреспонденцию в аккуратные стопки, надписывая на конвертах всех посланий неличного содержания свои комментарии о важности и срочности, и вот уже неделю ежедневно обнаруживал всю эту почту небрежно сваленной в одну кучу и явно еще не просмотренной. Перебирая конверты, не терпящий беспорядка Белецкий ворчал себе под нос по-немецки, водилась за ним – сыном германского инженера – такая привычка.

Фридрих Карлович Белецкий формально состоял при Дмитрии Николаевиче Рудневе управляющим делами и личным секретарём, на деле же он был его компаньоном, соратником в делах и верным другом, прошедшим с ним через многое.

Белецкий отложил предложение поучаствовать в вернисаже, запрос из салона госпожи Рахмановой, решив, что ответит на всё это сам, потом выбрал из стопки личной переписки письмо от товарища Руднева по университету, хорошо ему знакомого, и тоже решил, что вернее будет отписаться самому. Среди приглашений на всякого рода приемы Белецкий отобрал те, что были уже пропущены, и забрал все

остальные, чтобы написать на них отказ под каким-нибудь благовидным предлогом. Впрочем, с приглашениями ситуация была обычной. Руднев не любил светских приемов. Он уставал от общества неинтересных ему людей, да и вообще считал приемы скучным и бессмысленным времяпрепровождением, поэтому посещал лишь те, манкировать которыми было бы уже совсем верхом неприличия.

В нынешнем своем расположении духа Дмитрий Николаевич вообще из дома не выходил, проводя всё время в художественной мастерской, где не столько работал, сколько просто скрывался от всех и вся.

Причина такого его настроения была в авторе десятка оставленных Белецким на столе писем, надушенных томными духами, подписанных изящным почерком и запечатанных красным сургучом с оттиском графской печати. Лишь благородство натуры останавливало Белецкого от того, чтобы забрать эти письма и сжечь. В вопросах нежных чувств он был рационалистом и считал, что любовь, как хорошее вино, должна потребляться в меру и похмелья после себя не оставлять. Руднев же в этом плане представлял собой его полную противоположность.

Дмитрий Николаевич был натурой романтической, а потому влюблялся пылко и отчаянно, вызывая в предмете своего обожания не менее сильные встречные чувства. Он вообще пользовался у дам неизменным успехом, поскольку обладал достоинствами, способными удовлетворить практиче-

ски любые женские запросы.

Дмитрий Николаевич Руднев был знатен и богат, и, хотя чинов не имел, являлся известным в нынешнем московском высшем свете художником. Писал Руднев в стиле, по российским понятиям салонном, но в последнее время модном, заимствованном у английских прерафаэлитов.

Острый ум, прекрасное образование и безупречные манеры делали его человеком в общении крайне приятным. Несмотря на свою немногословность и даже, пожалуй, определенного рода замкнутость, он умел обаять ненавязчивой обходительностью и развлечь приятным разговором.

Внешность у Дмитрия Николаевича тоже была исключительная. Он был статен и ладно сложен, хотя невысок ростом и хрупок, а в движениях его чувствовались скрытая сила и спокойная уверенность. Черты его лица отличались исключительным благородством и античной правильностью, и очень выгодно дополнялись слегка волнистыми волосами цвета холодного золота, которые он носил чуть длиннее, чем требовала мода. Самым обворожительным для дамских сердец во внешности Дмитрия Николаевича были его глаза, большие, серые, словно дымчатые топазы, смотрящие на мир обычно туманно и рассеянно, однако взгляд этот в один миг волшебным образом мог становиться завораживающе цепким и пронизательным, способным, казалось, заглянуть в самую суть предметов и в самые потаенные глубины человеческой души.

Одевался Руднев с исключительным вкусом, отдавая предпочтение элегантному классическому стилю. При этом была у Дмитрия Николаевича одна таинственная странность: на правой руке он всегда носил перчатку и не снимал её на людях ни при каких обстоятельствах. Особам впечатлительным эта его привычка казалась крайне загадочной и волнующей, хотя на самом деле объяснялась она тем, что под перчаткой Руднев прятал уродовавшие его руку шрамы, о происхождении которых распространяться не любил.

В общем, Дмитрий Николаевич являл собой в женских глазах если и не идеал, то уж верно предмет более чем интересный и заслуживающий особо пристального внимания.

Сам же Руднев в женщинах искал вдохновения. Определив для себя очередную музу, он отдавался чувствам целиком и без остатка, искренне боготворя предмет своего обожания и увлекая свою избранницу в пучину безудержной страсти. Роман обычно длился не более нескольких месяцев, поскольку ни один нормальный человек не смог бы дольше выдержать такой накал страстей. Влюбленность сторала дотла, и её пепел болезненно саднил души обоим.

Музы по обыкновению сперва погружались в тоску и кидались в истерические упрёки, а после разрыва отношений долго ещё писали Дмитрию Николаевичу нервные письма, залитые слезами, то злыми, то страдальческими.

Дмитрий же Николаевич переживаний или даже просто печали не проявлял, но делался отстранённым, нелюдимым

и, казалось, полностью отрешенным от жизни. Всякие эмоции и чувства в нём будто бы замирали, и вывести его из этого душевного паралича не представлялось никакой возможности, пока переживания его не унимались. Растормошить его могли разве что какая-нибудь творческая идея, новая муза или интересное дело, относящееся к другой стороне жизни Дмитрия Николаевича, ни в коей мере не связанной с живописью.

Эту другую сторону Руднев не афишировал, и знал о ней лишь очень небольшой круг людей.

Дмитрий Николаевич, модный салонный художник, с отличием закончил юридический факультет Московского университета и после этого вот уж более пяти лет частным порядком сотрудничал с московским уголовным сыскным управлением, принимая участия в расследовании самых запутанных и жестоких преступлений. Привлёк его к этому Анатолий Витальевич Терентьев, сыскной надзиратель московской сыскной полиции, которого судьба дважды сводила с ещё совсем юным Рудневым при обстоятельствах страшных и даже роковых, в ходе прояснения которых Терентьев и разглядел в Дмитрие Николаевиче удивительный талант к криминальным расследованиям.

Анатолий Витальевич неоднократно предлагал Рудневу поступить на официальную службу, но Дмитрий Николаевич отказывался, ссылаясь на причины из области высокой нравственности, по которым они с Терентьевым неоднократно

пылко спорили, да так ни к чему и не пришли.

Убедившись в тщетности своих уговоров, Терентьев ходатайствовал о дозволении Рудневу участвовать в расследованиях на правах частного консультанта. Возглавлявший в ту пору московский уголовный сыск Михаил Аркадьевич Эфенбах сперва отнёсся к этой идее скептически, но, уважая мнение Анатолия Витальевича, которого сам же привёл в сыск из участковых приставов, дозволение дал. После нескольких успешных дел, в коих Дмитрий Николаевич проявил себя исключительно, Эфенбах пригласил Руднева к себе на беседу и тоже предложил службу в уголовном сыске, но молодой человек и тут отказался. В общем, так и продолжил Дмитрий Николаевич расследовать уголовные преступления вместе с сыскной полицией, оставаясь лицом неофициальным.

Белецкий снова разложил письма в аккуратные стопки, подписал несколько конвертов, и будучи уверенным в абсолютной напрасности этих своих действий, вышел из кабинета. Тут его остановил дворецкий и сообщил, что к Дмитрию Николаевичу пожаловали господин сыскной надзиратель.

Белецкий проводил Анатолия Витальевича в гостиную, а сам отправился за Рудневым в мастерскую, искренне надеясь, что принесенные Терентьевым новости помогут вернуть Дмитрия Николаевича к нормальной жизни.

Руднев рассеяно поздоровался с сыщиком и, сев напротив, уставился куда-то сквозь Анатолия Витальевича. Тот

некоторое время выжидал, надеясь на проявление каких-либо признаков интереса к своей персоне, но так и не дождавшись, спросил:

– Дмитрий Николаевич, вы верите в вампиров?

Вопрос был таким неожиданным и нелепым, что не сразу пробился через марево Рудневской хандры. Наконец в туманных глазах Дмитрия Николаевича появились отблески заинтересованности.

– В каких вампиров? – спросил он удивленно и тряхнул головой, как человек, сгоняющий с себя остатки сна.

– А вы что, в каких-то верите, а в каких-то – нет? Меня-то по понятным причинам московские интересуют.

Руднев потер руками лицо, выпрямился в кресле и протянул руку к папке, которую Терентьев держал при себе.

– Покажите, – сказал он.

Сыщик передал папку. Поверх остального в ней находились фотографии мертвого молодого человека в форме чиновника почтового отделения, лежавшего на мерзлой грязи в какой-то подворотне. На снятой крупным планом шее были отчётливо видны два черных следа, оставленных как будто клыками.

– Ему прокололи сонную артерию в двух местах. Он истёк кровью за несколько минут, – Руднев перебрал все фотографии. – Вокруг тела крови нет. Жертву переместили с места убийства?

– Да нет, Дмитрий Николаевич. Судя по следам, нашли его

именно на том месте, где его убили. Но крови там действительно не было, хотя тело обескровлено. Дальше есть отчёт патологоанатома.

– Выглядит и впрямь как klaffenden Vampirbisse (нем. укусы вампира), – заметил Белецкий, взяв из рук Дмитрия Николаевича несколько фотографий.

– Анатолий Витальевич, расскажите всё, – попросил Руднев, отложив папку.

– Извольте! Убитый – некто Елизар Лукьянович Кошкин, коллежский регистратор. Найден утром третьего дня. По свидетельству жены, вечером со службы домой не вернулся. Тело находилось по дороге от конторы до его дома. По заключению доктора, смерть произошла поздно вечером. По всей видимости, на него напали, когда он шёл из конторы. Причина смерти – обескровливание. Кроме двух проколов на шее, у жертвы есть синяки на спине и шишка на затылке, полученные, скорее всего, в результате падения. Других повреждений нет. Свидетелей происшествия тоже нет.

– Но это ещё не всё? Так? – спросил Руднев, когда, завершив свой короткий рассказ, Терентьев замолчал.

– Не всё, – согласился то. – Поскольку смерть показалась мне странной, я велел поискать нечто подобное в отчетах околоточных за последний месяц, и мне удалось найти в рапортах два схожих случая. Первый – смерть нищего на Хитровке. Второй – смерть старухи в Кожевниках. Оба случая сочли смертью от естественных причин. Нищий вроде как

замерз спяну, а старуха от возраста преставилась, но в обоих случаях отмечено, что на шеях жертв были обнаружены следы, похожие на klaffenden Vampirebisse, как вы, господин Белецкий, изволили выразиться. Естественно, тогда отметинам этим никто никакого значения не придал.

– Тела эксгумировали? – спросил Руднев.

– Старуху – да. Из-за промёрзшей земли тело неплохо сохранилось, и факт наличия проколов на шее удалось подтвердить. Также патологоанатом предположил с высокой степенью вероятности, что тело было обескровлено. Там в папке есть отчёт и фотографии по эксгумации.

– А что с нищим?

– Тут всё сложнее. Тело увезли на Лазаревку и схоронили в общей яме. Где его там искать, неясно.

– В тех двух случаях были свидетели?

– Ну, с Хитровкой, сами понимаете, даже если и были, нам их не найти, а вот в случае со старухой свидетель есть. Правда, толку в нём совершенно никакого.

– То есть?

– Свидетель, если это вообще свидетель – полоумная внучка старухи. Якобы она что-то там видела, но она разумом – что пятилетней ребёнок. Рассказать ничего внятного не может.

– Но с неё снимали показания?

– Да какие там показания, Дмитрий Николаевич! Говорю же вам, совсем девка умом скорбная. Рассказывает, что

к бабке приходила смерть и что, дескать, и к ней она подбиралась, но тут её спугнул сосед.

– Она её как-то описывает?

– Кого? Смерть?! Как вы себе такое представляете?

– Вы сказали, она как пятилетний ребёнок. В таком возрасте человек вполне может описать словами увиденное. В любом случае, других свидетелей, как я понимаю, нет?

– Увы! Тут вы правы, к сожалению! Ни свидетелей, ни каких-либо улик у нас нет, – Анатолий Витальевич развел руками.

– Тогда поедem в Кожевники к внучке старухи. Я попытаюсь с ней поговорить, – Дмитрий Николаевич так энергично вскочил, и на лице его была такая заинтересованность, что Белецкий удовлетворенно хмыкнул, порадовавшись произошедшей с Рудневым метаморфозе.

– Хорошо! Поедемте, – согласился Терентьев. – Не уверен, что из вашей затеи что-то получится, но чем чёрт не шутит.

Глава 2

В маленьком домишке с грязными окнами, по одну сторону смотрящими на реку, а по другую – в глухой проулок, вместе с полоумной внучкой находилась присматривавшая за скорбной сиротой монахиня из Богородице-Рождественского монастыря, сестра Агафия. Встретила она посетителей неприветливо.

– Почём вы, господа, убогую тревожите? Мало того, что бабуку её – царствие ей Небесное! – раскопали, греха не побоялись! Теперь сироту, умом чахлую, донимаете! Чего вы от неё хотите?

– Простите нашу навязчивость, сестра, но идёт полицейское расследование предполагаемого смертоубийства. Нам необходимо поговорить с вашей подопечной, – терпеливо, но настойчиво ответил Терентьев.

– Какое такое смертоубийство?! Хавронии Макаровне срок пришёл. Ей восемьдесят седьмой год уж был, и здоровье слабое. Да и кому бы это нужно было неимущую старуху убивать! Глупости всё! У вас, господа полицейские, занятий, что ли, других нет?!

– Позвольте мне поговорить с внучкой умершей, – вступил в разговор Руднев. – Я не полицейский.

Сестра Агафья окинула Дмитрия Николаевича сердитым взглядом.

– Не полицейский? Доктор, стало быть. Эти тоже не раз приходили! Только тревожат!

– Я не доктор, сестра, и обещаю, что не потревожу больную.

– Не обещайте! Одному богу известно, что её скорбный ум тревожит. Ладно! Можете поговорить, но в моём присутствии и недолго. И вот ещё что, – сестра Агафия строго посмотрела на Терентьева и Белецкого, – вы, – она тыкнула костлявым пальцем в Анатолия Витальевича, примостившегося на край деревянной скамьи и приготовившегося записывать разговор, – снимите очки, не то она решит, что вы доктор, и в припадок кинется.

Терентьев что-то хмуро проворчал себе под нос, но очки, которые надевал для чтения и письма, послушно снял и убрал.

– А вы, – монахиня сурово глянула на Белецкого, – вы вообще вон-те за ширму уйдите. Уж больно вы высокий и худой, да еще и в чёрном. Испугается она вас, за нечисть примет.

Белецкий безропотно подчинился, подвинув ширму таким образом, чтобы видеть происходящее через щель между ширмой и стеной.

– А вы вот сюда сядьте и не вставайте, – сестра Агафия указала Дмитрию Николаевичу на колченогий табурет у стола, а после удалилась в соседнюю комнату, отгороженную засиженной мухами выцветшей ситцевой занавеской.

Через минуту она вернулась, ведя за руку согбенную женщину в темном неряшливом платье и чёрном платке, из-под которого выбивались спутанные пряди мышинового цвета. Женщине этой было лет сорок или около того, но выражение её маленького напуганного лица было совсем детским.

– Вот, Прасковьюшка, смотри какой барин к тебе в гости пожаловал, – неожиданно мягко и ласково проворковала сестра Агафия, усаживая подопечную напротив Руднева, и предупреждающе зыркнула на Дмитрия Николаевича взглядом, идущим в абсолютный разрез с её медовым голосом.

Руднев выжидающе молчал и не двигался. Прасковья не меньше минуты сидела, уставившись в стол, а потом наконец приподняла голову и исподлобья посмотрела на Дмитрия Николаевича.

– Здравсьте вам... – тихо проговорила она тонким писклявым голоском.

– Здравствуй, – мягко ответил Руднев, всё ещё не решаясь шевельнуться.

– Меня Прасковьей зовут, а тебя как?

– А меня Дмитрий Николаевич. Я тебе гостинец принёс, – Руднев вынул из кармана шоколадную плитку в яркой обертке и одновременно с тем небольшой блокнот для зарисовок и карандаш.

Он осторожно пододвинул шоколад к женщине. Та сперва отпрянула, а после ухватила плитку обеими руками, сорвала с неё обертку и надкусила.

– Благодарствую, – сказала она уже более уверенным голосом. – А это что у тебя?

Она указала на блокнот.

– Это чтобы рисовать. Ты умеешь?

Прасковья отрицательно мотнула головой, продолжая уплетать шоколад.

– А ты? – спросила она.

Дмитрий Николаевич несколькими уверенными штрихами нарисовал кошку, играющую с клубком. Прасковья восторженно взвизгнула.

– Это ж у дяди Федота такая точно Машка! Она меня поцарапала давеча, – убогая протянула Рудневу руку с обкусанными ногтями. – Вишь как? – царапины на руке не было. – А ещё что-нибудь нарисуй!

– Что нарисовать?

– Ангела! Ангелы они добрые.

Руднев нарисовал крылатую фигуру с нимбом.

– Ух ты! А чего ты ещё рисовать умеешь?

Руднев нарисовал дракона.

– Енто я знаю! – захлопала в ладоши Прасковья. – Енто про Георгия! Он змея победил! Мне бабка рассказывала, – лицо у женщины вдруг сморщилось, а губы задрожали. – Бабка-то моя померла, знаешь? – всхлипнув, произнесла она.

– Знаю. Как же это произошло, Прасковьюшка? – Руднев на мгновение встретился глазами с сестрой Агафией, и та

кивнула неожиданно лояльно.

Женщина на несколько секунд замерла, а потом ухватила Руднева за руку и сбивчиво зашептала.

– К бабке-то моей смерть приходила. Веришь? Мне никто не верит! Я же знаю, я ж умом слабая! Да только я её точно видела! Она и меня прибрать хотела, да дядя Федот пришёл и прогнал её. Ты мне веришь?!

– Я тебе верю!

– Я её видела! Знаешь, какая она?..

– Не знаю. Расскажи.

– Да ты смеёшься! Как все они! Не веришь!

– Верю, говорю! Вот хочешь, ты расскажешь, а я нарисую её? И мы её всем покажем, и тогда тебе все поверят.

– Правда нарисуешь?

– Нарисую, только Расскажи. Ну? Какая она была?

– Она... Она такая... Чёрная... И будто в рясе...

Руднев нарисовал фигуру в балахоне без лица.

– Смерть, она мужчина или женщина? – спросил он.

– Мужчина!

– Старик?

– Нет! Как ты!.. Нет, как дядя Федот...

Руднев пририсовал фигуре лицо мужчины средних лет.

– Не так! – вскрикнула Прасковья. – У него щёки были толстые и нос был длинный, как у ворона, и глаза жгучие и злые, как у поросё!

Руднев поправил черты лица.

– Похож? Может у него борода была?

– Он же не поп! Он же смерть! Не было никакой бороды!..

Волосы у него были... Не как у тебя! У тебя красивые, а у него хилые и на лоб липли...

Руднев дорисовал.

– Так?

У Прасковьи глаза расширились от ужаса.

– Так ты тоже смерть видел? – ахнула она.

– Случалось, – ответил Руднев. – Но мы же ещё не дорисовали. Если это смерть, у неё коса должна быть. Так?

– Нет! Ты же говоришь, что видел!.. Никакой косы не было! У неё была рука такая... – убогая сложила руку словно птичью лапу.

– Какая такая? – Руднев повторил жест Прасковьи, и та вдруг с криком вскочила и бросилась через стол, стараясь вцепиться Дмитрию Николаевичу в лицо. Он едва успел перехватить её руки.

Сумасшедшая билась и вырывалась с невероятной для женщины силой.

– Это ты! Ты! – иступлено орала она.

Глаза у неё вдруг закатились, и она повалилась на скамью, всё ещё удерживаемая Дмитрием Николаевичем. Тело её сотрясалось, на губах выступила пена.

– Уходите! – закричала сестра Агафия, кинувшись к бившейся в припадке Прасковье. – Уходите немедленно!

Руднев схватил со стола блокнот и поспешил обратиться

прочь, вместе с Терентьевым и Белецким.

– Умеете вы произвести впечатление на женщин, – саркастично заметил Терентьев, когда они оказались на улице. – Слава богу, она вам глаза не выцарапала!.. И что мы в результате имеем?

Руднев протянул ему альбом.

– Мы, возможно, имеем ориентировочный портрет убийцы.

– Вы уверены, Дмитрий Николаевич, что всё, что она там говорила, не бред? – скептически спросил Белецкий. – Когда она рассказывала про кошку, царапины на руке не было. Она её придумала.

– Я ни в чём не уверен, – пожал плечами Руднев. – Но уж больно странно, что полоумная женщина, которой рассказывали сказки про ангелов и Святого Георгия, описывает смерть не как старуху с косой, а как мужчину с определёнными чертами лица.

– Ну, мало ли кого она могла за смерть принять, – возразил Терентьев.

– Скажите, Анатолий Витальевич, она упоминала некоего дядю Федота, который якобы прогнал смерть. Это кто? Сосед? – спросил Дмитрий Николаевич.

– Да, сосед. Он-то и вызвал полицию и доктора. Сказал, что услышал завывания Прасковьи, пришёл, а там бабка её мертвая.

– И больше ничего?

– Судя по протоколу, нет. А вы думаете, он что-то утаил?

– Давайте проверим!

Сосед Прасковьи, Федот Тюрин, был хмурым здоровенным мужиком лет тридцати пяти, работающим на Бахрушинском кожевенном заводе мастером в дубильном цеху. Был он порядком пьян и встретил посетителей ещё менее приветливо, чем сестра Агафия.

– Кто такие? Чё надо? – пробасил он, преграждая визитёрам путь дальше порога.

– Полиция, – сурово ответил Терентьев. – Вопросы к тебе, Тюрин, есть. А ну, давай в дом пройдем.

– Нет у меня времени с тобой болтать, ваше благородь, и в доме моем тебе делать нечего.

– Будешь дурить, Тюрин, в кутузку отправлю! – рявкнул Терентьев. – Так в дом войдем или при соседях объясняться будем?

Федот посторонился, пропуская посетителей в свою хибару.

– Чё надо? – повторил он ещё мрачнее.

– Кого ты у Хавронии Макаровны в доме видел, когда она преставилась? – резко спросил Терентьев.

У Тюрина забегали глаза.

– Никого, – ответил он сквозь зубы. – Внучку ейную только, болезную.

– Врёшь, Тюрин! – Анатолий Витальевич стукнул по столу кулаком. – Правду говори!

– Вот те крест, ваше благородь! – Федот пьяно и размашисто перекрестился.

– Врёшь! Знаю, что врёшь!

Федот набычился и сжал кулаки.

– А раз ты, ваше благородь, всё знаешь, чего спрашиваешь?

– От тебя услышать хочу. Что там произошло?

– Я всё околоточному рассказал. Нечего мне больше добавить.

– Кого вы так боитесь, Тюрин? – спросил молчавший до этого момента Руднев.

– Никого я не боюсь! И вас не боюсь! Вон пошли! – взревел дубильщик и попытался ухватить Дмитрия Николаевича за грудки.

Тот проворно отступил. Из-за его спины метнулся Белецкий, резким движением ткнул Федота кулаком под дых, а когда тот, охнув, согнулся пополам, с неожиданной для своей худощавой фигуры силой заломил ему руки и швырнул на скамью.

– Дёрнешься еще раз, руки переломаю, – с ледяным спокойствием предупредил Белецкий. – Я не из полиции, так что мне можно. Отвечай на вопросы, Тюрин!

Федот попытался вырваться.

– Я сказал, не дергайся, – хватка Белецкого стала жёстче.

– Отпусти, ваше благородь! – взвыл дубильщик. – Всё расскажу, как на духу!

Белецкий ослабил хватку, но рук не отпустил.

Руднев достал блокнот с недорисованным портретом убийцы и показал Тюрину.

– Вы этого человека там видели?

– Это не человек! – Федот замотал нечёсаной башкой. – Упырь!

– Ты мне тут сказки не рассказывай, – прикрикнул на Тюрина сыщик. – Какой такой упырь!

– А самый, что ни наесть, настоящий! Он бабку загрыз! Я сам видел!

– Что вы видели, Тюрин? – спросил Дмитрий Николаевич.

– Он над нею так прямо и стоял, а потом на убогую пошёл. Руку с когтями выставил!.. Тьфу ты, нечисть!.. Барин, отпусти, я же перекреститься не могу!

– Потом крестится будешь, – холодно возразил Белецкий. – Дальше что было?

– Так я как увидел, Богородице молиться начал, он окаменный от святых слов и замер весь.

– Как он выглядел? – спросил Руднев.

– Так, как на вашей картинке, так и выглядел. Только глаза мёртвые.

– Что значит мёртвые?

– Ну, того... Смотрят как не в тебя... И острые такие...

– Зрачки узкие?

– Это я вас, барин, не понял.

Руднев быстро нарисовал полуприкрытые глаза с узкими

зрачками.

– Так?

Тюрин шумно сглотнул и кивнул.

– Вы сказали, рука с когтями. Это как? Ногти у него были длинные?

– Ага... Длинные и железные!

– Железные? Вы не ошибаетесь, Тюрин?

– Точно говорю. Я железу что ли не отличу!

– Ладно, допустим... Так, что дальше было? Вы молитву начали читать, и что...?

Глаза у Федота снова забегали.

– Отвечай давай, Тюрин! – приказал Терентьев. – И не смей врать! Я тебя насквозь вижу. Что твой упырь? Растворился? В окно вылетел?

– Зачем в окно? Он в дверь вышел.

– И ушел?

Дубильщик снова сглотнул.

– Не ушёл. Он на карете уехал.

Терентьев, Руднев и Белецкий переглянулись.

– На какой такой карете, Тюрин? – спросил Анатолий Витальевич. – Что ты несёшь?

– А вот знал, что не поверите! Да только я вам правду говорю!.. Барин, да отпусти же ты меня! Не буду бузить!

Белецкий отпустил Федота, но остался стоять за его спиной.

– Мы вам верим, Тюрин, – примирительно сказал Руд-

нев. – Рассказывайте. Что была за карета?

– Знамо дело, карета как карета! С двумя лошаадьми, – Федот уставился в пол, потирая локти и запястья.

– Опять чего-то ты юлишь, Тюрин! – сердито проговорил Анатолий Витальевич. – Правду говори!

Дубильщик поднял глаза на Терентьева, взгляд его, и без того пьяный, сделался совсем ошалелым.

– В карете той, ваше благородь, – прошептал он, – барыня сидела, красоты неземной. Что твой ангел!

Глава 3

Руднев, не глядя, смёл аккуратно разложенные Белецким конверты в ящик стола, положил перед собой несколько листов писчей бумаги и каждый надписал: «Жертвы», «Травмы», «Свидетели», «Место убийства», «Убийца», «Орудие убийства», «Улики», «Странности».

– Так, Белецкий, что у нас есть? – спросил Дмитрий Николаевич.

Белецкий, примостившийся на краю подоконника со скрещенными на груди руками, скрипнул зубами на предмет корреспонденции, но отвлекать внимание Руднева на неё не стал.

– С чего вы бы хотели начать, Дмитрий Николаевич?

– Давай со свидетелей. Итак, у нас есть двое...

– ...Одна полоумная, а второй напуганный и пьяный...

– Другими словами, ты хочешь сказать, что ни один из них не заслуживает доверия?

– А вы считаете иначе?

– Я лишь могу утверждать, что их показания сходятся...

Руднев записал на листе с заголовком «Свидетели» имена и поставил под ними большой знак вопроса.

– Теперь про орудие убийства, – сказал он.

– Перчатка с железными когтями? – предположил Белецкий. – Надеюсь, вы же не предполагаете, что он и впрямь

впивается в жертв зубами?

– Зубы, конечно, совсем уж дикость, но и перчатка мне кажется сомнительной, – проговорил Дмитрий Николаевич.

– Отчего же?

Руднев постучал пальцем по фотографиям старухи и коллежского регистратора.

– Расстояния между отметинами в обоих случаях абсолютно одинаковые. Маловероятное совпадение, если нанести удар просто рукой.

– То есть вы предполагаете какое-то орудие, имитирующее укус клыков?

Руднев не ответил и отложил лист с подписью «Орудие убийства» в сторону без каких-либо записей.

– Давай про травмы, – сказал он и вписал на соответствующий лист: «Klaffenden Vampirbisse» и «Обескровливание». – Что ещё?

– У последней жертвы были следы падения. Это, по-вашему, важно?

Руднев задумался.

– Это может не иметь никакого отношения к убийству, – сказал он наконец. – Но если имеет... Допустим, коллежский регистратор пытался убежать от убийцы, споткнулся и упал, но тогда вряд ли он бы падал на спину. Другой вариант, это убийца сбивает его с ног, чтобы убить уже на земле... И ведь остальные жертвы, скорее всего, тоже лежали, когда он их убивал? Старуха. Пьяный нищий, – Руднев ещё

раз сравнил фотографии. – Он точно наносил удар старухе и молодому человеку из одного положения. Раны расположены идентично.

Белецкий пожал плечами.

– Злодей убивает лежачих? С чего бы это? Нанести колющий удар в шею проще тому, кто стоит, если только вы не бьёте чем-то вроде трости.

– Думаю, дело не в этом, – ответил Руднев, поднимаясь и выходя из-за стола. – Вот я стою. Как бы ты меня ударил? Покажи.

Белецкий оторвался от подоконника.

– С какой стороны? С лица? Со спины?

– Да все равно. Допустим, ты нападаешь сзади.

Белецкий зашёл Дмитрию Николаевичу за спину, ухватил левой рукой поперёк груди, а правую приложил к его шее.

– Как-то так...

– И что произошло бы дальше?

– В смысле?

– Ты пробил мне сонную артерию... Раз, два, – Дмитрий Николаевич досчитал до пяти и сделал движение, как бы начинающая падать.

Белецкий машинально дёрнулся его удержать.

– Teufel (нем. чёрт)! – буркнул Белецкий. – Словами бы могли объяснить! Вы имеете в виду, что человек с ранением сонной артерии секунд через пять, максимум через десять, теряет сознание и падает?

– Тут важно другое: чтобы не дать мне упасть, тебе потребовались обе руки.

– Вас бы я удержал и одной, если бы ожидал, что вы сделаете... И, вообще, если я вас уже убил, почему бы меня волновало, как вы там себе упадёте. Ни одной рукой, ни двумя я бы вас ловить не стал. Я бы нанёс удар и отступил.

– Если бы ты был просто убийцей, то именно так, но ты имитируешь вампира.

– И что это меняет?

– Ты не должен оставить кровь на месте убийства! Ты должен её как-то собрать. Это сложно сделать, если твоя жертва сперва стоит, а потом заваливается.

Белецкий содрогнулся.

– Mein Gott (нем. Господи)! А как он это делал, когда жертвы просто лежали?

– Понятия не имею!

– Может, он чем-то зажимал рану? Ветошью, которая впитала кровь?

– Нет, так быть не могло. Хотя бы потому, что крови должно было быть слишком много. А кроме этого, – Руднев выбрал одну из фотографий мёртвого коллежского регистратора уже на прозекторском столе. – Посмотри сюда. Видишь? Здесь видны две небольшие запёкшиеся струйки. Зажимай он чем-нибудь рану, он бы размазал кровь.

– Он же ведь её не пил в самом деле? – Белецкий скривился в гримасе отвращения.

– Надеюсь, – Руднев вернулся за стол, вписал под заголовком «Место убийства»: «Нет крови» и взял новый лист. – Теперь убитые. Все трое – будем считать, что нищий тоже жертва нашего вампира – физически слабые, неимущие люди, на чью смерть не обратят особого внимания.

Руднев сделал записи на листе «Жертвы».

– Но наш убийца наращивает амбиции, – заметил Белецкий. – Смерть нищего никто бы и не заметил. Старуха – под вопросом. А вот мертвого чиновника уже точно не пропустили.

– Пожалуй. И это может говорить о двух вещах. Во-первых, мог быть и не один нищий. А во-вторых, что гораздо хуже, похоже, вампир теряет осторожность, а это значит, что жажда убийства в нём растёт.

– Хотите сказать, будут ещё убийства, – мрачно резюмировал Белецкий.

– Да, пока его кто-то или что-то не остановит. Сам он этого не прекратит, а только станет ещё более лютым... Дальше... Улик у нас нет, – Дмитрий Николаевич отложил лист со словом «Улики». – Остались личность убитого и странности. Начнём с последнего.

– Сама идея подражательства вампиру – уже странность, – сказал Белецкий. – У нас вампиры – не самый популярный персонаж фольклора.

– Согласен. Убийца знает про вампиров. Скорее всего читал про них, а значит, это человек образованный.

– Образованный человек убивает нищих по подворотням?

– Выходит, что так. В пользу этой версии говорит и история с каретой и женщиной в ней.

– Дмитрий Николаевич, это же совсем ни на что не похоже! Какая карета! Померещилось этому дубильщику с пьяных глаз!

– Может и так. Ни доказать, ни опровергнуть его слова пока невозможно, поэтому оставим в «Странностях». Давай переходить к главному, – Руднев занес перо над листом озаглавленным «Убийца».

– Мужчина, – продиктовал Белецкий. – Прасковья сказала, не старик и старше вас. Если верить её оценке, думаю, от тридцати до пятидесяти. Без бороды. Черты лица малопривлекательные. Странный взгляд.

– Судя по свидетельству Тюрина, у убийцы были сужены зрачки, – Дмитрий Николаевич посмотрел на сделанный им рисунок глаз. – Видел он своего упыря в темной избе, значит зрачки сузились не от света. Морфинист? – он вписал своё предположение в список примет убийцы.

– Нам также известно, что одет он соответственно образу, в какой-то балахон, а на руках у него железные когти, – продолжил Белецкий и добавил. – Или наши горе-свидетели всё это со страху и по скудоумию нафантазировали.

Руднев записал только «Железные когти». Перечитав список, он покачал головой.

– Вампиры. Морфий. Маскарад. Он точно не лихой с Хит-

ровки.

– И карету с таинственной незнакомкой сюда добавьте, Дмитрий Николаевич.

– Просто Эдгар Аллан По! – проворчал Руднев. – В этих фактах, – он мрачно обвёл рукой свои записи, – нет ровным счётом никаких зацепок. Нам придётся ждать его следующего удара, а значит, пожертвовать еще одной жизнью.

Произнося эти слова, Руднев даже не мог себе представить, каким недолгим окажется ожидание.

Около пяти вечера в Рудневский особняк на Пречистенке примчался вестовой от Терентьева и привёз известие о новом убийстве вампира, которое на этот раз произошло не в тёмном переулке, а в московской резиденции главы Управления казенных железных дорог при Министерстве путей сообщений действительного статского советника Александра Петровича Михайловского. Убит был сам Михайловский.

Чудовищнее всего было то, что трагедия произошла в доме, полном гостей, собравшихся по случаю дня рождения супруги погибшего, которая и нашла своего мужа убитым.

– Около двух пятнадцати по полудню их превосходительство покинули гостей, имея необходимость ответить на срочную телеграмму, и не возвращались с полчаса, – подсматривая в записи, докладывал присланный Анатолием Витальевич младший полицейский надзиратель, когда карета сысского управления сорвалась с места. – Супруга, Елизавета Федоровна Михайловская, тридцати двух лет отроду, пошла

за мужем и обнаружила его убитым. На её крик прибежали слуги, вызвали доктора и полицию. Доктор был в доме. Он констатировал смерть от кровопотери. Крови на месте преступления нет. Никаких следов борьбы. Только две колотые раны на шее, – молодой человек поперхнулся и, глядя на Руднева слишком уж растерянным для полицейского чина глазами, закончил. – Раны похожи на след от укуса вурдалака.

– Улики? Следы? – мрачно спросил Дмитрий Николаевич, предугадывая ответ.

– Ничего.

– Как он вошёл в кабинет мимо секретаря? – в свою очередь спросил Белецкий.

– Их превосходительство отпустили его на сегодня, поскольку не планировали заниматься делами. Так сказал камердинер Александра Петровича.

– Кто-нибудь из гостей или слуг видел что-нибудь подозрительное? – задал следующий вопрос Руднев.

– Господин сыскной надзиратель ведет дознание. Когда я выезжал к вам, ничего такого в показаниях свидетелей не было, – сбившись с официального тона, младший полицейский надзиратель всплеснул руками и воскликнул, – Дмитрий Николаевич, там гостей человек сто и человек тридцать прислуги! Гости все из высшего света! Там ужас что творится!

Улица перед особняком Михайловских была забита эки-

пажами, подъезжающими и отъезжающими, всячески препятствующими друг другу.

Дмитрий Николаевич и его спутники не стали дожидаться, когда казённая карета пробы́ётся к крыльцу, и от переул-ка до дверей дома дошли пешком.

На крыльце их ждал городской, которому было приказано немедленно проводить прибывшего консультанта к господину сыскному надзирателю. Дом был забит полицейскими. Казалось, что их там больше, чем самих домочадцев и их гостей.

Терентьев встретил Руднева в приемной перед кабинетом погибшего. На Анатолии Витальевиче не было лица.

– На моей памяти в Москве таких убийств не случилось, – сокрушено произнес он. – Чтобы чиновника от министерства убили в его же доме при сотне гостей, да еще таким изуверским способом! Газетчики того гляди прорвут кордон! Три вестовых от обер-полицмейстера и два от генерал-губернатора терзают меня на части и требуют отчёта! Сюда едет лично Лебедев!

Рудневу было известно, что с Василием Ивановичем Лебедевым, нынешним начальником московской сыскной полиции, отношения у Терентьева были натянутые. Лебедев был отличным администратором и криминалистом-теоретиком, но как сыщик звёзд с неба не хватал, в отличие от своего предшественника, Михаила Аркадьевича Эфенбаха, которого Терентьев почитал как своего учителя и покровителя.

Лебедев и Терентьев держались друг с другом в рамках холодной вежливости, обусловленной исключительно взаимной необходимостью, но при сложившихся обстоятельствах в случае надобности – и тут Анатолий Витальевич не питал никаких иллюзий – Василий Иванович не задумываясь пожертвовал бы своим лучшим сыщиком, отдав его на заклянье в угоду политическим интересам и личным карьерным соображениям.

К участию Руднева в расследованиях у Лебедева отношение тоже было неоднозначным, он скорее терпел его, нежели позволял, считая вмешательство в работу сыска частного лица делом исключительно сомнительным.

– Дмитрий Николаевич, гостями дома являются лица, к кругу которых вы принадлежите и в котором известны. Я не вправе просить вас раскрывать ваше участие в деле – а это непременно произойдет, если вы сейчас здесь останетесь – но мне нужна ваша помощь! – в голосе Терентьева слышались нотки мрачного отчаяния, как у человека, приговоренного к публичной и позорной казни.

– Анатолий Витальевич, я сделаю всё, что в моих силах! Для меня честь быть вам полезным! – твердо ответил Руднев.

– Спасибо! – Терентьев порывисто пожал протянутую Дмитрием Николаевичем руку. – Идемте в кабинет убитого. Покойника оттуда уже вынесли.

У Дмитрия Николаевича Руднева, на счету которого, несмотря на молодой ещё возраст, было свыше десятка

расследованных крайне серьезных и тяжких преступлений, имелась одна существенная слабость, с сыскной деятельностью, казалось бы, несовместимая. Он абсолютно не переносил вида мертвецов, поэтому никогда не присутствовал на вскрытии и старался не оказываться на месте убийства, когда тела еще не были убраны. Всё, что касалось жертв, Дмитрий Николаевич исследовал по фотографиям, рапортам и медицинским отчетам.

Терентьев проводил Руднева и Белецкого в кабинет.

– Кроме тела здесь всё осталось, как было, – сказал Анатолий Витальевич.

Дмитрий Николаевич огляделся. Кабинет Михайловского был неожиданно скромным, практически спартанским, чего никак нельзя было сказать об остальном доме, роскошном буквально на грани безвкусицы.

Из кабинета вели две двери: одна в приемную, через которую они зашли, вторая – в примыкающую к кабинету комнату отдыха. В её дверях застыл полицейский, козырнувший при появлении Терентьева.

– Мы там всё проверили, – сказал сыщик вошедшему в комнату отдыха Дмитрию Николаевичу. – Степан Кондратьевич, это камердинер погибшего, говорит, здесь всё, как было при барине. Все вещи на месте.

Комната отдыха была еще аскетичнее кабинета: походная койка, простой деревянный стул, маленький, ничем не покрытый стол, на котором стояла масляная лампа да лежала

раскрытая книга по каким-то инженерным расчётам, в углу комнаты висел образок с зажжённой лампадкой.

– У Александра Петровича были крайне скромные привычки, – заметил Руднев.

Он вернулся в кабинет и принялся осматривать стол.

– Анатолий Витальевич, ваш надзиратель, что привёз нас сюда, докладывал, что Михайловский ушёл от общества, чтобы написать ответ на телеграмму. Где она?

– Никакой телеграммы на столе не было.

– А при нём?

– Тоже нет. На трупе не было никаких документов.

Руднев подёргал запертые ящики стола.

– Ключ от ящиков был у Михайловского на цепочке от часов, – пояснил сыщик. – Секретарь, которого вызвали сразу же после трагедии, при мне осматривал ящики, ничего странного не обнаружил, но про телеграмму я не спросил.

– Позовите его.

Терентьев дал знак полицейскому, и тот кинулся исполнять с похвальным проворством.

– Может, он сжёг телеграмму, – предположил Белецкий. – Она могла быть конфиденциальной.

Он заглянул в камин, но тот был тщательно вычищен и явно не топился уже несколько дней. Руднев же поднял со стола и показал Терентьеву и Белецкому чистую пепельницу.

– Он ничего не жёг, – сказал он.

В этот момент в кабинет вошёл секретарь убитого – моло-

дой человек, бледный и дрожащий так, что это было заметно глазу.

– Откройте, пожалуйста, ящики стола, – приказал Руднев.

Секретарь вынул из кармана ключ и трясущимся руками попытался попасть в замочную скважину.

– Вы позволите? – Белецкий нетерпеливо отобрал у него ключ, сам отпер ящики и вернул ключ секретарю.

– Проверьте, там, среди бумаг, должна быть телеграмма, пришедшая сегодня около двух по полудню. Что-то срочное, требующее немедленного ответа, – велел Руднев.

Они терпеливо ждали, пока секретарь перебрал бумаги. Привычные действия вернули молодому человеку самообладание, так что его поиски надолго не затянулись.

– Такой телеграммы здесь нет, – констатировал он.

– Кто сказал про телеграмму? – спросил Руднев, когда секретарь скрылся за дверью.

– Вдова покойного, – ответил Терентьев.

– Тогда с вашего позволения, Анатолий Витальевич, для начала я переговорю с ней.

Глава 4

Супруга покойного главы Управления казенных железных дорог, Елизавета Федоровна Михайловская, изволила принять Дмитрия Николаевича в своем будуаре. Она полулежала, откинувшись на подушки, на белой бархатной козетке с золочеными замысловатыми ножками. Подле неё сидел доктор и держал пальцы на тонком точёном запястье вдовы.

Елизавета Федоровна была женщиной невероятной, редкостной красоты. Даже теперь, мертвенно бледная и обессиленная, она выглядела исключительно прекрасной.

– Примите мои соболезнования, сударыня, – произнес Руднев, склонившись перед вдовой в почтительном поклоне. – В состоянии ли вы ответить на несколько моих вопросов?

Потерянный взгляд вдовы Михайловской с трудом сфокусировался на Рудневе.

– Мы представлены? – спросила она, голос её оказался неожиданно сильным и глубоким.

– Я польщён, что вы это помните. Да, сударыня, в прошлом сезоне я имел честь быть вам представленным на балу у генерал-губернатора. Моё имя Дмитрий Николаевич Руднев.

– Руднев... Художник?

– Да, сударыня. А также частный консультант московско-

го сыскного криминального управления.

В глазах Елизаветы Федоровны на мгновение мелькнуло что-то, похожее на заинтересованность, но искра эта тут же угасла.

– Я могу говорить с вами, Дмитрий Николаевич, – произнесла вдова и добавила, обращаясь к доктору, – оставьте нас с господином Рудневым.

– Я буду за дверью, Елизавета Федоровна... Не утомляйте её, сударь.

Руднев дождался, пока дверь за доктором закрылась, пододвинул себе стул и сел напротив Михайловской.

– Елизавета Фёдоровна, вы сообщили, что перед трагическими событиями ваш супруг удалился к себе, желая написать ответ на телеграмму. Это так?

– Да.

– Откуда вы об этом узнали?

– Александр Петрович сам мне сказал. Извинился и попросил развлечь гостей без него, пока он будет занят.

– Он не сказал, что это была за телеграмма?

– Мы никогда не осуждали с Александром Петровичем вопросы его службы.

– Разумеется, и все же? Может, он обмолвился хоть о чем-то? Телеграмма была из Петербурга? Из министерства?

– Нет, он ничего такого не говорил.

– Вы видели саму телеграмму? Она была у него в руках?

– Нет. Я её не видела. Почему вы меня об этом спрашива-

ете, Дмитрий Николаевич? Это имеет отношение к его смерти?

– Мы пока ничего не знаем, madame. Ведется расследование. Вы в состоянии ещё отвечать?

– Да, спрашивайте...

– Почему вы сами пошли за Александром Петровичем? Почему не послали кого-нибудь из слуг?

Взволновал ли Елизавету Фёдоровну вопрос, или же она просто утратила последние силы, но самообладание её вдруг покинуло.

– Что за странный вопрос?.. Я хотела видеть своего мужа! Почему вы спрашиваете?! – голос Михайловской истерически задрожал, она резко поднялась на подушках. – К чему все эти вопросы?! Это непереносимо!

– Успокойтесь, сударыня! – Руднев кинулся к заламывающей руки вдове и удержал её за плечи. – Доктор!

Дверь в будуар распахнулась, но на пороге оказался не врач, а молодая женщина, на вид ровесница Дмитрия Николаевича. Незнакомка тоже отличалась красотой, но совсем не той, мягкой и трепетной, что Елизавета Михайловна, а какой-то хищной и дикой. Она стремительно подошла к козетке и резко крикнула на вдову:

– Lizzy! Престаньте! Прекратите истерику! – знакомка схватила со стола стакан с водой и выплеснула его содержимое в лицо Михайловской, – Да возьмите же себя в руки!

Вдова на мгновение задохнулась, а после, упав в подуш-

ки, разразилась рыданиями. Руднев оторопел от неожиданной сцены, а незнакомка уже кинулась на него:

– Что вам здесь нужно?! Подите прочь!

Тут в будуар наконец вбежал доктор.

– Вам действительно лучше уйти, сударь! – сказал он Дмитрию Николаевичу, и без того поспешившему ретироваться.

– Нужно выяснить всё про телеграмму, – велел Руднев, возвращаясь к Терентьеву и Белецкому. – Кто-то должен был знать, что её принесли. Кто-то должен был видеть, как её передавали Михайловскому. Пусть опросят прислугу, на телеграфной станции уточнят. И мне нужны списки гостей.

Терентьев дал распоряжения.

– Со списками будет сложно, но сделаю, что смогу... А что вам сказала вдова? – спросил он.

– Говорит, что про телеграмму узнала со слов супруга.

Руднев хотел спросить Терентьева про темпераментную незнакомку и узнать, кто она, но тут к ним подбежал давешний младший надзиратель и доложил:

– Ваше высокоблагородие, Лебедев прибыл, – отрапортовал он.

Анатолий Витальевич совсем помрачнел и дёрнул воротник, будто тот стал ему вдруг тугим.

– Господа, – обратился он к Рудневу и Белецкому, голос его звучал натянуто, – я прошу меня простить! Я сам же вас позвал, но Василий Иванович не должен вас здесь увидеть.

У него и без того найдется, что мне в заслуги поставить...

– Не извиняйтесь! Мы уходим, – перебил сыщика Дмитрий Николаевич. – Если сможете, приезжайте ко мне или шлите за нами в любое время. Прикажите проводить нас к выходу для прислуги.

Один из полицейских повёл их к чёрной лестнице, по ходу Руднев отдавал распоряжения.

– Белецкий, ты сейчас отправляйся в морг. Нужно сравнить расположение ран и расстояние между ними. Ждать фотографий и отчёта слишком долго. Выясни всё, что позволит связать имеющиеся у нас три трупа и всё, что отличает эти случаи. И спроси у доктора, что он думает про орудие убийства и способ обескровливания. Возможно, он...

– Руднев, стойте! – раздался за их спиной резкий женский голос.

Их торопливо догоняла молодая особа, устроившая сцену в будуаре Михайловской.

– Мне нужно с вами поговорить! – тоном, не терпящим возражений, заявила она.

– Поезжай, – кивнул Дмитрий Николаевич Белецкому. – Я к вашим услугам, сударыня!

– Не здесь! Пойдёмте со мной, – всё так же резко произнесла незнакомка и, не дожидаясь ответа, развернулась и направилась обратно в господскую часть дома.

Руднев поспешил за ней. На лестнице они столкнулись с Лебедевым и Терентьевым. Сыскной надзиратель с камен-

ным лицом что-то докладывал своему начальнику, который и обычно-то выглядел желчно, а теперь и вовсе скривился от злого раздражения.

При виде Руднева Анатолий Витальевич сбился с доклада, а Василий Иванович остановился и гневно спросил:

– Руднев, что вы здесь делаете?

– Добрый вечер, Василий Иванович!

– Я спросил вас, что вы здесь делаете?.. Анатолий Витальевич, я бы хотел знать...

– Дмитрий Николаевич – мой гость! – сердито выпалила спутница Руднева. – Как вы смеете так разговаривать с моим гостем?! Кто вы вообще такой?

Лебедев опешил. У Терентьева губы дернулись в злорад-ной усмешке. Руднев счёл за лучшее эмоций не проявлять.

– Начальник московской сысской полиции статский советник Василий Иванович Лебедев, – раздражённо представился Василий Иванович.

– Начальник сысской полиции? – взвилась незнакомка. – Ну, так и занимайтесь своим делом! Полный дом полиции, а толку нет!

После этого заявления она дёрнула Руднева за рукав, увлекая за собой.

Не произнеся ни слова, они вошли в малую гостиную, в общем бедламе на удивление тихую.

Незнакомка указала Рудневу на кресло.

– Сядьте! – приказала она, но Дмитрий Николаевич остал-

ся стоять.

Тогда она села сама и нетерпеливо повторила:

– Да сядьте же, Руднев!

Дмитрий Николаевич опустил в кресло.

– Сударыня, я не имею чести знать вас, – проговорил он с легким поклоном. – Позвольте...

– Прекратите вы эти церемонии! – резко перебила его незнакомка. – В доме убийство, а вы здесь Версаль разводите!

В голосе её помимо раздражения проскакивали откровенно истерические нотки. Руднев понял, что продолжение беседы в светском тоне закончится неминуемым взрывом эмоций. Он поднялся, подошел к сервированному напитками столику, налил стакан воды и протянул его своей собеседнице.

– Выпейте, – резко велел он. – Выпейте, или я вам в лицо плесну, как вы давеча вдове.

Незнакомка сердито сверкнула глазами, но подчинилась.

– Кто вы такая? Откуда меня знаете?

– Я Мария Александровна Михайловская. Дочь... Дочь...

– Ясно. Дочь Александра Петровича.

– Да... Мне Lizzy сказала, что вы расследуете... расследуете смерть отца, и что вы не полицейский.

– Елизавета Федоровна ваша мачеха, я так понимаю?

– Да...

– И о чём же вам требовалось со мной поговорить? – Руд-

нев вернулся в кресло. – Слушаю вас, Мария Александровна.

– Я знаю, кто отца убил! – выпалила младшая Михайловская.

Руднев даже бровью не повёл, ему нередко приходилось выслушивать от близких и родственников жертв подобные заявления, и чаще всего, не было за ними ничего, кроме отчаяния, старых обид да болезненных фантазий.

– Что вы молчите?! Вам это неинтересно?

– Интересно. А ещё интереснее, отчего же вы об этом сыскному надзирателю не рассказали?

– Оттого, что он меня слушать не станет! А выслушает, так всерьез не воспримет!

Рудневу подумалось, что за сегодняшний день у него это уже третья подобная беседа.

– Тогда расскажите мне, обещаю вас выслушать с полным вниманием.

Мария Александровна некоторое время молчала, нервно сплетая и расплетая пальцы.

– Отец был членом какого-то тайного общества, – наконец произнесла она как будто через силу. – Это они его убили.

– Что за тайное общество? – терпеливо спросил Руднев, убедившись, что продолжения не последует.

– Я не знаю!

– Но отчего вы тогда думаете, что это общество виновно в смерти вашего отца?

Михайловская не отвечала. Она нервно кусала губы и не

решалась поднять глаза на своего собеседника.

– Мария Александровна, вы сами вызвали меня на разговор, – мягко проговорил Дмитрий Николаевич. – Но, как я вижу, вы не готовы говорить. Если прикажете, я немедленно удалюсь, и мы вернёмся к разговору, когда у вас будут для этого силы.

– Нет! Не уходите! – воскликнула Мария Александровна. – Пообещайте, что никому не расскажете того, что я вам скажу!

– Я не могу дать вам такого обещания. Расследуется убийство, и всё, что хоть в малой степени касается этого дела, я буду обязан раскрыть для следствия.

– Но вы же не полицейский!

– Не полицейский, но в полной мере сотрудничаю с дознанием.

На лице Михайловской отразилась внутренняя борьба.

– Хорошо, – сказала она наконец, – я расскажу, но я рассчитываю на вашу порядочность и деликатность... Я... Я шпионила за своим отцом... Да! И не смотрите на меня так!.. После его опрометчивей женитьбы на Lizzy год назад я стала бояться, что он совершит ещё какую-нибудь глупость. Например, оставит меня без наследства! – Мария Александровна вызывающе воззрилась на Руднева, но лицо его оставалось бесстрастным. – Вы считаете меня низкой и корыстной дрянью?

– Ни в коей мере! Кто я, чтобы судить вас? Однако вы

отошли от темы. Вы начали рассказывать мне про некое тайное общество?

Ровный тон Дмитрия Николаевича подействовал на собеседницу успокаивающе.

– Да, – произнесла она уже менее звенящим голосом. – Я отклонилась, но это важно. Знаете ли вы, кто такая Lizzy? – Руднев отрицательно качнул головой. – Вот и никто не знает! Известно только, что она приехала из Вены, где была женой российского военного атташе, и где овдовела спустя пять лет после замужества. Отец потерял от неё голову! До этого он вдовствовал почти двадцать лет, храня верность моей матери! И тут появилась она! – Михайловская опять начала распалаться.

– Мария Александровна, ваш отец был свободным человеком, вольным связать себя новым браком. Я бы не хотел, чтобы вы обнажали передо мной свою ревность и детскую обиду, – резко одернул молодую женщину Руднев. – Расскажите лучше про ваши подозрения в отношении произошедшей трагедии.

Михайловская гневно посмотрела на собеседника, но тот выдержал её взгляд, не сморгнув.

– Как я уже вам сказала, – продолжила она, беря себя в руки, – я стала следить за отцом, так как влияние моей мачехи на отца казалось мне чрезмерным и противоречащим моим личным интересам. Спустя пару месяцев после женитьбы отец сильно отдалился от меня, стал холоден и скрытен.

В доме нашем стали появляться какие-то странные личности, не то родственники, не то друзья Lizzy. Мне их никогда не представляли. Визиты их были непродолжительными. Происходило это всегда как-то до нелепости тайно. Они забирались с отцом и Lizzy, говорили о чём-то, а после таинственные визитёры уходили чуть ли не черным ходом. А потом отец начал уезжать куда-то по вечерам и возвращаться за полночь... Я знала, что он ездил не по службе, и не в клуб, поскольку одевался иначе.

– Он уезжал один или с Елизаветой Фёдоровной? – вставил вопрос Руднев.

– Один. Она никогда с ним не ездила... Эти его ночные отъезды происходили дважды в неделю в одни и те же дни и часы. Я пыталась выпросить отца, но он не отвечал мне, а однажды мы даже поссорились с ним из-за этого. И тогда я решила проследить за ним. Я переделалась мужчиной, наняла извозчика и поехала за ним... Чему вы улыбаетесь?

– Простите, Мария Александровна, я представил вас в мужском платье, – с обескураживающей откровенностью признался Руднев. – Так что вам удалось выяснить в результате вашего смелого предприятия?

– Отец приехал в некий старый особняк на Тверском бульваре. На следующий день я пришла туда, чтобы выяснить, что это за дом. Оказалось, что там давно никто не живёт. Я ещё несколько раз тайно следовала за отцом, и каждый раз он приезжал по новому адресу в такие же пустые дома. Но

в те вечера, когда он там был, я видела в окнах свет. Приглушенный, словно пробивающийся из-за плотных портьер. Мне очень хотелось пробраться за отцом в эти дома, но я боялась! Трусиха!

– Напротив, вы очень смелая женщина! На вашем месте и мужчина бы поостерегся! Так что было дальше? Откуда вы узнали про тайное общество?

– Я подумала, что коль всякий раз отец едет по новому адресу, кто-то каким-то образом должен этот адрес ему сообщать. И тогда я решила... – Мария Александровна покраснела до корней волос. – Я начала просматривать корреспонденцию отца, – выпалила она с вызовом.

– И? – Руднев демонстративно не отреагировал на её экспрессию.

– Накануне очередной ночной отлучки отца мне удалось обнаружить странный голубой конверт без марок и каких-либо подписей с запиской, в которой был лишь адрес. Я отправилась по нему заранее и увидела, что к урочному часу туда приехало две дюжины человек. Все солидные мужчины, все в дорогих экипажах, все приезжали и проходили в дом украдкой с интервалами между прибытием в несколько минут. Через пару часов в том же порядке все разъехались.

Михайловская надолго замолчала. На лице её отражалось волнение, вызванное воскрешенными воспоминаниями.

– Что же было дальше? – осторожно спросил Дмитрий Николаевич.

– После того раза я очень испугалась и несколько недель за отцом не следовала. А потом он вдруг перестал выезжать, сделался мрачным и будто бы напуганным. Сказал, что мы переедем в Петербург, как только ему дадут дозволение в министерстве. После этого его заявления они с Lizzy стали часто ссориться. Кажется, она не хотела уезжать. Это было около месяца назад. А третьего дня я снова увидела у отца на столе голубой конверт как тот, с адресом. В него был вложен листок с надписью: «*Alea iacta est*» (лат. Жребий брошен).

Самообладание изменило Михайловской. Она закрыла лицо руками, содрогаясь от беззвучных рыданий.

Дмитрий Николаевич подошёл к молодой женщине и бережно обнял её за плечи. Она прильнула к нему, уже не скрывая слёз. Выждав несколько минут, Руднев дал Михайловской выплакаться, после снова подал ей воды.

– Вам есть что мне ещё рассказать, Мария Александровна? – мягко спросил он.

Она отрицательно мотнула головой.

– Нет, это всё...

– Тогда ответьте мне на несколько вопросов. Вы в состоянии?

– Да. Что вы хотите знать?

– Где те записки в голубых конвертах?

– Я их больше не видела. Думаю, отец сжигал их.

– Вы помните адреса, куда ездил ваш отец? Можете назвать?

Михайловская перечислила четыре адреса, и Дмитрий Николаевич записал.

– Ещё один вопрос, не относящийся к вашему рассказу. Александр Петрович перед своей гибелью получил телеграмму и отправился писать ответ, так он сказал Елизавете Федоровне. Вам что-нибудь об этом известно?

– Нет, – покачала головой Михайловская. – Я про телеграмму сама от Lizzy узнала, когда... когда всё это произошло, – на глаза её снова навернулись слёзы.

– Мария Александровна, – Руднев сжал ей руку, отвлекая от накатившей скорби. – Вы очень поможете, если предоставите мне список гостей, бывших у вас сегодня. Все, кто приехали, и кто был приглашён. Это возможно?

Михайловская кивнула и позвонила. Через пару минут в гостиную вошёл мажордом.

– Лука Лукич, – произнесла Александра Михайловна абсолютно твердо. – Принесите списки гостей с пометками о визите.

Лука Лукич чопорно поклонился, вышел и вскоре вернулся со списком, который с молчаливым поклоном вручил молодой госпоже. Когда он удалился, Михайловская отдала список Рудневу.

– Возьмите, надеюсь, это поможет найти убийцу отца... Могу я просить вас об одной лишь услуге, Дмитрий Николаевич?

– Если это в моих силах и не противоречит моему долгу,

я сделаю всё, о чем вы попросите, Мария Александровна.

– Держите меня в курсе расследования. Я знаю, что существует тайна следствия, но я молю вас! Всё, что вам будет дозвоительно мне сообщить! Отец был мне самым близким человеком! Мне должно знать!

– Обещаю вам, сударыня, держать вас по возможности в курсе, – ответил Дмитрий Николаевич и откланялся.

Глава 5

К тому моменту, как Руднев закончил разговор с Марией Александровной, ситуация в доме Михайловских поменялась в более деловую сторону. Гости все разъехались. Лебедев тоже уехал, оставив, правда, Терентьева в состоянии холодного бешенства.

– Вот, Дмитрий Николаевич, – процедил сыскной надзиратель сквозь зубы, от сдерживаемого гнева у него ходили желваки. – Я теперь и не понимаю, какая у меня задача: убийцу найти или сказки карамельные для высокого начальства сочинять?

– Сказки?

– Ну, да! К утру от меня требуется доклад для самого обер-полицмейстера, да чтобы в нём изложено было, как мои следственные действия в полной мере картину трагического происшествия проясняют и дают абсолютную уверенность, что не позже, как в трёхдневный срок душегуб будет пойман и отдан в руки правосудия... Чёрт возьми! Вот оно мне сейчас в самый раз отчёты фантазийные писать! Начальству-то завсегда виднее! Когда седалище в кресле высоким, мысли-то яснее, и точно известно, как следствие вести нужно! – Анатолий Витальевич с трудом перевёл дыхание. – Простите, Дмитрий Николаевич, Лебедев мне всю душу вымотал!.. Что вам эта юная фурия, дочь Михайловско-

го, рассказала?

Руднев вкратце пересказал свой разговор с Марией Александровной. Терентьев присвистнул.

– Ничего себе! Думаете, её словам можно доверять?

– Она, несомненно, была крайне взволнована, но излагала всё четко и внятно. Я склонен ей поверить. В любом случае, нужно выяснить, что это за четыре адреса, которые она назвала. И хорошо бы подноготную вдовы узнать.

– Ох, Дмитрий Николаевич! Хуже нет, чем в грязном белье сановничьих жён рыться! Тем более что тут, я думаю, всё просто: любимая дочь и мачеха, годящаяся ей в старшие сёстры. Обычная ревность!

– Может быть и так, – согласился Руднев. – Кстати, у нас теперь есть список гостей. Мария Александровна передала. Велите для меня переписать.

Терентьев подал знак стоящему в дверях полицейскому подойти, но тут в кабинет, где шёл весь этот разговор, вбежал младший надзиратель, которому нынче было на роду написано приносить дурные вести.

– Анатолий Витальевич!.. – от волнения он обратился к начальству не по чину. – Там!.. – молодой человек запнулся.

– Говорите же! – гаркнул на него Терентьев. – Язык что ли проглотили?! Что ещё?

– Ваше высокоблагородие, там... там ещё один труп нашли, – упавшим голосом доложил молодой человек. – Тоже вампиром загрызенный...

Анатолий Витальевич шумно втянул воздух через стиснутые зубы.

– Где?

– В доходном доме в Сумниковом переулке.

– Это недалеко от места убийства коллежского регистратора, – вставил Руднев.

– Убит некий заезжий по коммерческой части, – закончил доклад младший надзиратель. – Его гулящая обнаружила. Оно вроде как за ней домовладелец посылал.

– Чёрт знает что! – мрачно проговорил сыщик. – Дмитрий Николаевич, едемте!

Было около девяти вечера, когда Терентьев с Рудневым выходили из казенной кареты у мрачного и грязного подъезда доходного дома в Сумниковом переулке. Зевак, благодаря позднему времени да холодной погоде, вокруг не было. На месте преступления находились лишь напуганный домовладелец, хмурной дворник, околоточный с двумя городовыми, один из младших агентов, фотограф да Филипп Иванович Дягилев, доктор-патологоанатом из следственного морга, обычно выезжающий на убийства вместе с Терентьевым.

Кроме того, в дворницкой сидела размалёванная девица, одетая так, что сомнений в её ремесле не возникало. Она шумно всхлипывала и размазывала по лицу слезы вместе с сурьмой и румянами, от чего внешность её, и без того малопривлекательная, сделалась совсем уж жалкой.

– А ну, Жулька, кончай слякоть разводить! – цыкнул на неё околоточный. – Не вишь, начальство приехало!

Начальство и впрямь к сантиментам было не расположено.

– Кто такая? – резко спросил Терентьев.

– Жюли-и...

– Какая, мать твою, Жюли?! – рывкнул околоточный. – Простите, ваше высокоблагородие!.. Это Хавронья Ильинична Морозова, желтобилетница. Она убиенного нашла. Верещать, ясное дело, начала, ну, дворник городского и вызвал... Да не реви ты, Жулька! На вопросы господина сысского надзирателя отвечай!

– Как вы оказались в квартире убитого? – спросил Анатолий Витальевич.

– Ясное дело как, – шмыгая носом и заикаясь, ответила мадмуазель Хавронья-Жюли. – Вон ентот меня к нему вызвал, – она кивнула на домовладельца. – Пятьдесят копеек посулил... А оно вон как! Никакого гонорару, да ещё и страху натерпелась!

Гулящая снова разревелась.

– В отделение её, – приказал Анатолий Витальевич. – Завтра с ней разбираться будем.

– Это за что же?! – взвилась желтобилетница.

– Для вашего же блага, мадмуазель, – хмуро ответил Терентьев. – Вы свидетель. Вдруг злодей решит вас убить?

Хавронья Морозова взвизгнула и послушно пошла с го-

родовым, причитая и сквернословя.

– Так, – Анатолий Витальевич повернулся к домовладельцу. – Теперь вы. Рассказывайте, как дело было.

– Что же тут рассказывать? – зачастил напуганный домовладелец. – Это наш жилец. Они раз в месяц из Нижнего приезжают-с по каким-то там торговым делам. За квартиру платят-с исправно...

– Ближе к делу!

– Так я же и говорю-с... Они въехали-с сегодня и, как водится, послали меня, так сказать, обеспечить программу-с культурную. Ну-с, то есть барышню и выпить там, закусить. Я им водки принёс и шоколаду для мамзели... Они так-с всегда заказывали-с... Жульку пригласил на вечер, она из местных самая горячая... Вот, собственно, и всё-с! Жулька к нему поднялася и давай голосить. Я туда... А там!.. Кошмар-с!

Терентьев махнул младшему агенту.

– Зафиксируйте показания этого устроителя культурных развлечений, – хмуро и устало приказал он.

Тут по лестнице, ведущей от квартиры убитого, спустился доктор Дягилев.

– Анатолий Витальевич! – раздраженно позвал он. – Мне сколько вас ещё ждать прикажете?.. А, господин Руднев, добрый вечер! Вам я рекомендую пока остаться здесь.

– Здравствуйте, Филипп Иванович! – откликнулся Руднев. – Я отправлял к вам Белецкого. Он застал вас?

– Да, к сожалению, – проворчал доктор. – Своими навязчивыми вопросами ваш помощник мешал мне работать. В следующий раз я выставлю его за дверь, а вы, милостивый государь, изволите дожидаться официального отчёта.

– Так Белецкий здесь? С вами приехал?

– Нет, Дмитрий Николаевич. Я отправил его к своему учителю, профессору Касьянову. Он специалист по экзотическим убийствам... Анатолий Витальевич, идёте вы наконец или нет?!

Терентьев поспешил за доктором.

Филипп Иванович Дягилев был человеком уникальным. Несмотря на свой скверный ворчливый характер в сыскном отделении он пользовался всеобщим уважением и даже что обожанием за глубокую порядочность и высочайший профессионализм. В судебную медицину Дягилев пришёл из полевых хирургов, имея за спиной огромный успешный опыт и достойнейшую репутацию. Столь кардинальная смена профессиональных интересов для многих его коллег казалась странной, однако сколько ни поступало к нему предложений от хирургических отделений, выбору своему он не изменил.

Однажды в приватном разговоре Руднев спросил Дягилева о причинах, побудивших его связать свою судьбу с криминалистикой.

– Видите ли, молодой человек, – ответил Филипп Иванович. – У живого человека всегда есть шанс с божьей помощью самому без врачей выздороветь. А убиенные, они бес-

помощны не то что жизнь и здоровье себе вернуть, но даже и на справедливое наказание своего убийцы не всегда рассчитывать могут. В иной ситуации моё ремесло – их последний шанс на возмездие. Я даю им возможность свидетельствовать в деле по их убийству, пусть даже и с того света. Оно, может, и слабое утешение для живых, но, если так рассудить, это то небольшое, что для убитого человека остается.

Дягилев и впрямь относился к телам жертв с восхитительным уважением, независимо от того, был ли это труп аристократа или нищего. Он никогда не позволял себе в отношении погибших небрежности или цинизма, хотя к живым такой деликатности не проявлял. Кроме того, Филипп Иванович был пытлив до новых прогрессивных методов, собирал их и изучал. Он смело применял в своих исследованиях такие передовые теории, как дактилоскопию, определение группы крови, химический анализ тканей. И пусть результаты этой его работы не имели веса в судебных разбирательствах, сыскные, и в первую очередь Терентьев, охотно использовали их на этапе дознания.

Для Анатолия Витальевича Дягилев и вовсе был едва ли не талисманом. Пользуясь своей репутацией лучшего московского сыщика, он не желал работать ни с кем, кроме как с Филиппом Ивановичем. Впрочем, это его особое отношение к ворчливому доктору и взаимное уважение Дягилева к сыщику ни в коей мере не мешало им время от времени жарко спорить, а то и вовсе не на шутку ссориться.

Дмитрий Николаевич, вынужденный дожидаться, когда увезут тело, вышел в переулок. Толкаться подле коморки дворника и слушать причитания домовладельца удовольствия ему не доставляло, хотя и Сумников переулок приятным местом для прогулок тоже назвать было сложно.

Вокруг было темно и тихо, кое-где в окнах пробивался слабый свет. Ни экипажей, ни прохожих в это время здесь не бывало.

Дойдя до угла дома, Руднев вдруг уловил краем глаза какое-то движение. Ему показалось, что в проулке между домами мелькнула какая-то фигура. Руднев отступил в глухую тень и замер, напряженно всматриваясь в темноту. Движение повторилось. Теперь Дмитрий Николаевич был абсолютно уверен, что в проулке кто-то был.

Беззвучно скользнув вдоль стены, Руднев зашёл за угол.

Некто, одетый в несуразный широкий балахон, крался по проулку. Внезапно в руке неизвестного зажегся фонарь. Руднев вжался в стену, надеясь, что луч не метнется в его сторону. Однако опасения его были напрасны, незнакомец освещал дорогу перед собой и, казалось, что-то высматривал в талом снегу под ногами.

Тут в вечерней тишине раздался громкий звук, то ли хлопнула дверь, то ли окно. Незнакомец вздрогнул и выпрямился, свет фонаря выхватил из темноты мордатое лицо с тонким длинным носом и маленькими близко посаженными глазами.

Дмитрий Николаевич раздумывать не стал. Он молниеносно пересек разделяющее их с незнакомцем расстояние и сильным коротким ударом сбил его с ног.

Руднев, хотя и был subtilen да невысок ростом, отличался немалой силой и ловкостью. Способствовала тому привычка ежедневных тренировок с Белецким, коей он придерживался всю свою сознательную жизнь.

Падение должно было оглушить неизвестного, но он его, против ожидания, кажется, и вовсе не почувствовал. Ловко извернувшись, незнакомец вскочил на ноги. Уклонившись от встречного удара, Руднев перехватил руку, державшую фонарь, резким движением вырвал его из руки неизвестного и с силой ударил фонарем противника в голову. Удар получился скользящим из-за невероятной быстроты движений незнакомца. Казалось, он перемещался в пространстве незаметно взгляду, точно фантом. Дмитрий Николаевич снова метнулся на противника, ещё раз замахнулся, но ударить не успел. Резкая острая боль обожгла ему бок, заставив отшатнуться и на мгновенье утратить координацию. Этой секунды хватило неизвестному, чтобы кинуться в тень и раствориться в темноте проулка. Руднев понял, что в узком лабиринте домов, с учетом фантастической скорости движений незнакомца, преследование бессмысленно, да и не безопасно.

Переводя дыхание, Дмитрий Николаевич осмотрел себя. Одежда с левого боку на нём была порвана. Засунув руку под сюртук, он почувствовал, что жилет пропитывается кровью.

– Терентьев меня убьёт, – пробормотал он и, зажав рану, вернулся в прихожую доходного дома, где всё ещё плаксиво сетовал на судьбу услужливый домовладелец.

– Господи! Дмитрий Николаевич! – ахнул младший агент при появлении Руднева и метнулся вверх по лестнице. – Филипп Иванович! Анатолий Витальевич!

– Не вопите вы! – шикнул на него Дмитрий Николаевич, но было уже поздно, доктор и сыщик выскочили на лестницу.

– Что ещё случилось? – резко спросил Анатолий Витальевич, Дягилев же, поняв ситуацию быстрее, оттолкнул Терентьева и сбежал вниз с несвойственной ему прытью.

– Руднев, что с вами произошло?

– Я встретил вампира, – ответил Дмитрий Николаевич, и доктор заглянул ему в лицо с откровенной озабоченностью.

Терентьев и Дягилев завели Руднева в дворницкую, усадили на выдавший виды стул и принялись снимать с него пальто и сюртук. Доктор послал младшего агента наверх за своим саквояжем.

– Что случилось? Кто вас ранил? Какого вампира вы встретили? – зачастил вопросами не на шутку встревоженный Анатолий Витальевич.

Руднев рассказал о своем приключении.

Тем временем Филипп Иванович разрезал на Дмитрие Николаевиче жилет и рубашку. На левом боку у Руднева была рваная рана.

– Вы совсем с ума сошли! – в сердцах кинулся на Дмит-

рия Николаевича сыскной надзиратель. – Какого чёрта вы на рожон сунулись?! А если бы он вас убил?

– Ну, не убил же...

– Почему вы ходите без оружия?!

– Анатолий Витальевич, я гражданское лицо и на службе не состою. Мне по закону не положено оружие при себе иметь.

– Вам и пытаться преступников задерживать не положено!

– Анатолий Витальевич, помилосердствуйте! Я же не из бравады! – оправдывался Руднев. – Ну, чтобы вы на моем месте сделали? Чем ругать меня, пошлите кого-нибудь в проулок, пусть посмотрят там внимательно. Он ведь там что-то искал, это точно!

– Вы меня ещё поучите!.. Я к вам буду охрану приставлять, если у вас, Руднев, своей головы на плечах нет!

– Так! Хватит! – вмешался в препирательства доктор. – Анатолий Витальевич, вы мне мешаете! Идите, своим делом займитесь! Потом будете господину Рудневу выговаривать!.. А вы, Дмитрий Николаевич, вообще помолчите! Я не привык к болтливым пациентам!

Спорщики подчинились.

Клокоча от праведного возмущения, Терентьев отправил в проулок околоточного с полицейским, а сам, прихватив с собой младшего агента, вернулся на место преступления.

Доктор протёр руки спиртом и принялся промывать рану, игнорируя оханье и шипенье своего пациента.

– Вы, Дмитрий Николаевич, – брюзгливо проговорил он, – пословицу мне напоминаете. Знаете какую?

– *Amicus certus in re incerta cernitur* (лат. Настоящий друг познается в настоящих делах), – высказал предположение Руднев, сияясь улыбнуться.

– Нет, Дмитрий Николаевич, другую: «Дуракам везёт», – отозвался ворчливый доктор. – Вам очень повезло, должен я вам сказать. Рана поверхностная. Задень он вас сильнее, вы вполне бы могли стать моим пациентом в полной мере!

– Почёл бы за честь! – отшутился Руднев.

– Смешного в этом мало, молодой человек!.. Рана рваная. Такие скверно заживают.

– Как думаете, чем он это сделал?

– Чем-то, имеющим остриё, но не имеющим лезвия. Заостренным штырём, например... Мне придется наложить вам швы.

Филипп Иванович стянул края раны. Руднев взвыл от боли.

– Доктор, полегче!.. Я начинаю понимать, почему вы только с мертвецами дело имеете!

Дягилев достал из своего саквояжа флягу и протянул Дмитрию Николаевичу.

– Глотните-ка, – приказал он. – Это коньяк. Приходится иметь для нервных свидетелей и не в меру чувствительных консультантов.

Руднев послушно отхлебнул.

– Готовы?

Дмитрий Николаевич вытерпел экзекуцию стоически.

– Красота! – похвалил свою работу Дягилев. – Швы у меня всегда хорошо получались, ещё в университете... Может, вам еще коньяку?

Руднев отказываться не стал.

Пока доктор его перевязывал, вернулись околоточный с полицейским. В проулке они нашли склянку с каким-то белым порошком.

– Как думаете, доктор, что это? – спросил спустившийся вниз и уже остывший Анатолий Витальевич.

– Я не цыганка, чтобы угадывать, – раздраженно ответил Дягилев. – Проведу анализ, отвечу.

В течение следующего часа из доходного дома увезли тело погибшего коммерсанта, младший агент и околоточный опросили всех жильцов, а Терентьев с Рудневым облазили всё место преступления в поисках хоть каких-нибудь улик. Усилия их были тщетны, ничего кроме подсохших и полузатоптанных влажных следов на полу они не нашли, да и те уже раскисли настолько, что ни размер обуви, ни её особенностей понять было невозможно.

– Опять мы с пустыми руками, – констатировал Анатолий Витальевич.

– Ну, не совсем, – возразил ему Руднев. – Мы нашли склянку с порошком, и мне удалось увидеть преступника.

Кстати, Прасковья описала его довольно точно. Только это был грим.

– Грим?! – изумился сыщик. – С чего вы это взяли?

– Ну, Анатолий Витальевич, я лица вижу профессионально и точно различаю, когда лицо живое, а когда загримировано... Не знаю, как вам объяснить...

– Ладно, верю вам на слово. Значит получается, мы и лица его не знаем?

– Я попробую нарисовать, как бы он мог выглядеть без грима, но это будет гипотеза.

– Анатолий Витальевич! – окликнул сыскного надзирателя вошедший в квартиру убитого околоточный.

– Этот день когда-нибудь кончится? – тихо простонал Терентьев. – Что там ещё?

– К вам вестовой от обер-полицмейстера.

В тот же момент в дверь вошел бравый адъютант, гладкий да румяный, и одетый словно с картинки.

– Ваше высокоблагородие! – звонко отчеканил он. – Вам пакет от их превосходительства...

Терентьев выдернул из рук рафинированного адъютанта конверт, распечатал и прочёл.

– Мне предписано явиться через два часа на экстренное совещание к обер-полицмейстеру, – произнёс Анатолий Витальевич. – Вам, Дмитрий Николаевич, велено прийти вместе со мной... Передайте его превосходительству, что мы будем! – сыскной надзиратель так свирепо свернул глазами на

адъютанта, что того как ветром сдуло.

– Мне нужно заехать домой и переодеться, – заметил Руднев с неожиданной сговорчивостью. – Я же не могу в таком виде к обер-полицмейстеру явиться.

Ему отчаянно никуда не хотелось ехать, но, чтобы хоть как-то поддержать Терентьева, подавать виду он не смел.

Они заехали на Пречистенку. Белецкий, к счастью, ещё не возвращался, так что необходимости в лишних объяснениях у Дмитрия Николаевич не возникло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.